ОСНОВНЫЕ ИДЕИ ФИЛОСОФИИ А.П.ПЛАТОНА

https://doi.org/10.70728/phil.v05.i04.125

Исмаилова Хурлиман Нажиматдиновна
ms.khurliman@gmail.com
Нурболова Асем Нурболовна
a.nurbolova27@gmail.com
Каракалпакский государственный университет имени Бердаха

Аннотация: Статья посвящена философскому осмыслению творчества Андрея Платонова, чья проза выходит за пределы художественной литературы и представляет собой оригинальную форму философского мышления. Рассматриваются ключевые направления интерпретации его наследия: экзистенциальное, онтологическое, космическое, утопическое и этическое. Особое внимание уделяется представлению мира как незавершённого «строительства», категории «ничто», а также идеям труда, сиротства, сострадания и поиску дома как центральным элементам платоновской антропологии. Анализируется своеобразие языка писателя как способа философского выражения, отражающего хрупкость и недостроенность бытия. Делается вывод о синтетическом характере философии Платонова, соединяющей социальный опыт, метафизику и художественное мышление, а также о центральной роли человека как существа, находящегося в процессе становления и поиска смысла в условиях трагической незавершённости мира.

Ключевые слова: Андрей Платонов, философия литературы, экзистенциализм, онтология, русский космизм, утопия, антиутопия, антропология, труд, сиротство, сострадание, язык, бытие и ничто

MAIN IDEAS OF A.P.PLATO'S PHILOSOPHY

Ismailova Khurliman Nazhimatdinovna
ms.khurliman@gmail.com
Nurbolova Asem Nurbolovna
a.nurbolova27@gmail.com
Karakalpak State University named after Berdakh

Abstract: The article explores the philosophical dimension of Andrei Platonov's творчество, emphasizing that his prose transcends the boundaries of fiction and represents a unique form of philosophical thought. The study examines key

(cc) BY

interpretative approaches to his work, including existential, ontological, cosmological, utopian, and ethical perspectives. Particular attention is given to Platonov's concept of the world as an unfinished "construction," the category of "nothingness," and the central role of labor, orphanhood, compassion, and the search for home in his philosophical anthropology. The paper also analyzes the distinctive language of the writer as a mode of philosophical expression that reflects the fragility and incompleteness of being. It concludes that Platonov's philosophy is synthetic in nature, combining social experience, metaphysical inquiry, and artistic form, while presenting the human being as an unfinished entity in constant search of meaning within a tragically incomplete world.

Keywords: Andrei Platonov, philosophy of literature, existentialism, ontology, Russian cosmism, utopia, dystopia, philosophical anthropology, labor, orphanhood, compassion, language, being and nothingness

Андрей Платонов (настоящее имя Андрей Платонович Климентов, 1899-1951) принадлежит к числу тех писателей, чьё творчество трудно уложить в рамки одной дисциплины. Его тексты традиционно рассматриваются как художественные произведения, но они несут в себе столь мощный философский заряд, что давно стали предметом интереса не только литературоведов, но и философов, культурологов, теологов. Современные исследователи нередко называют Платонова «философом в прозе», «русским мыслителем в облике писателя» [2; 363].

Сам автор имел инженерное образование, работал мелиоратором, техником, писал статьи о развитии техники и промышленности. Уже в ранних публицистических работах ощущается философская интенция: Платонов стремился осмыслить мир не только в утилитарных, но и в онтологических категориях. Именно поэтому в его прозе так часто встречаются термины «ничто», «бытие», «дом», «сиротство», «счастье», «смерть» [5; 223]. Они не просто украшают речь, а формируют своеобразный философский словарь писателя.

Когда исследователи обращаются к философскому наследию Андрея Платонова, они, как правило, выделяют несколько направлений его осмысления. Эти направления не противоречат друг другу, а, напротив, дополняют и пересекаются, создавая многослойную картину.

Прежде всего, нельзя не заметить экзистенциальный характер его прозы. Герои Платонова оказываются в пограничных ситуациях - они лишены дома, утратили близких, переживают разруху и одиночество. В повести *«Котлован»* коллективный труд оборачивается ожиданием смерти, а в рассказе *«Возвращение»* герой понимает, что утратил связь с собственной семьёй. В этих

(cc) BY

сюжетах звучат вопросы, которые занимали европейских экзистенциалистов: что значит быть человеком, где граница свободы, как жить перед лицом смерти. При этом философия Платонова выросла не из интеллектуальных дискуссий Запада, а из конкретного опыта советской эпохи - поэтому его экзистенциальные мотивы окрашены в трагические тона революции и войны.

Наряду с этим исследователи обращают внимание на онтологическую и космическую проблематику. Платонов видел мир не как завершённое творение, а как непрерывное строительство, где всё ещё не доведено до конца. Эта метафора «стройки» проходит через многие его тексты. В повести *«Ювенильное море»* звучит идея о том, что человек должен продолжить труд природы, стать её помощником. Здесь заметна связь с русским космизмом: с мечтами Фёдорова о «всеобщем деле», с утопией преодоления смерти и обновления мира. Писатель разделял чувство ответственности человека за судьбу Вселенной, хотя и выражал его в ироничной, подчас парадоксальной форме [5; 145].

Особое место занимает и тема утопии и антиутопии. В двадцатые годы XX века в воздухе витала вера в построение нового мира, и Платонов тоже был увлечён этой идеей. Но довольно скоро его тексты начинают звучать как предупреждение. В романе *«Чевенгур»* коммунистическая мечта превращается в пустыню, а в *«Котловане»* строительство дома для будущего общества становится символом всеобщей могилы. Так проявляется двойственность его философии: с одной стороны, надежда на обновление, с другой - трезвое понимание, что насильственное переустройство мира ведёт к катастрофе.

Не менее важным является этическое измерение его творчества. Платонов не доверял «великим идеям», но он верил в силу сострадания. Его герои часто лишены материального достатка и перспектив, но они способны пожалеть другого, разделить с ним крошечный кусок хлеба, согреть словом. В этом проявляется его глубоко христианское понимание человека. Даже если в его прозе почти нет прямых религиозных деклараций, мотивы жертвы, жалости и любви несут очевидный духовный смысл.

Наконец, философия Платонова немыслима без анализа его особого языка. Долгое время его стиль воспринимался как странность, как результат небрежности или «искажения» речи. Однако современные исследователи видят в этом языковом своеобразии осознанный философский жест. Ломанные конструкции, нестыковки в словоупотреблении, смещения смысла - всё это отражает хрупкость самого мира, его «недостроенность». Для Платонова слово не просто называет предмет, оно словно заново создаёт его, придаёт вещам новое бытие.

Таким образом, разные линии интерпретации - экзистенциальная, космическая, утопическая, этическая и языковая - сходятся в одном: философия

(cc) BY

Платонова рождается из опыта сломанных судеб и разрушенного мира, но в то же время устремлена к поиску опоры, к построению нового бытия.

Философия Платонова строится на соединении утопизма и трагизма, инженерного рационализма и религиозно-мистической чувствительности. Его мышление глубоко антропоцентрично, но человек у него предстает не как венец творения, а как существо «недосформированное», нуждающееся в постоянном развитии и поддержке.

Ключевые идеи можно сформулировать следующим образом:

- Мир как незавершённое строительство. Для Платонова Вселенная - это неустойчивое и незавершённое пространство, требующее человеческого участия. Герои его произведений часто выступают «строителями», которые стремятся довести до конца мировое творение, но сталкиваются с трагической невозможностью его завершения.
- Человек-сирота. Антропологический образ Платонова - это человек, лишённый прочного «дома», как физического, так и метафизического. Герои его прозы постоянно ищут опору - в семье, в труде, в дружбе, в Боге, но чаще всего сталкиваются с пустотой.
- Труд как метафизическая категория. Для писателя труд не сводится к производственной функции. Он является экзистенциальным актом, способом преодоления ничтожности и поиска смысла. В этом смысле труд у Платонова сопоставим с молитвой или ритуалом.
- Сострадание как основа бытия. В условиях, когда мир неустойчив и недостроен, единственной гарантией человечности становится сострадание. Жалость к ближнему, любовь к «малому человеку» формируют основу платоновской этики.
- Смерть и воскресение. Смерть в его произведениях никогда не является окончательным завершением. Она осмысляется как переход, как ожидание будущего преображения. В этом мотиве отражается христианская традиция, соединённая с революционным ожиданием «нового человека».
- Язык как материя бытия. Язык у Платонова живёт той же хрупкой жизнью, что и мир. Он постоянно «ломается», отражая трагическую неполноту существования. Но именно в этом языке и кроется возможность поиска истины: в ошибке, сбое, недоговорённости [1; 156].

Таким образом, философия Платонова является синтетической: она объединяет социальное и метафизическое, художественное и философское, индивидуальное и общечеловеческое. В ней присутствует постоянное напряжение между надеждой и отчаянием, верой и сомнением, бытием и ничто.

Один из центральных мотивов философии Платонова - представление о мире как о строительстве, которое никогда не может быть завершено. Не

(cc) BY

случайно многие его герои работают землекопами, строителями, механиками: они как будто отражают не только социальные реалии эпохи, но и метафизическую задачу человечества. В повести *«Котлован»* коллективный труд по возведению Дома для будущих поколений превращается в бесконечное копание земли. Это строительство не завершено и не может завершиться: чем глубже роют люди, тем бездоннее становится котлован. Символика очевидна: мир - это фундамент, но не дом; он требует человеческого участия, но сам по себе остаётся пустым.

Такое видение соотносится с личным мировоззрением Платонова. Для него существование - это всегда «недостроенность», незавершённость. Человек и мир пребывают в процессе становления, в вечной «работе над бытием». Отсюда - вечная неудовлетворённость, ощущение хрупкости и незавершённости всего сущего.

Особое значение в платоновской философии приобретает категория «ничто». Она проявляется в образах пустоты, разрушения, распада. В *«Чевенгуре»* коммунистический эксперимент приводит к тому, что пространство города оказывается обезлюдевшим, наполненным отсутствием. Жизнь словно растворяется, уступая место ничто. Но в этом «ничто» открывается и новое измерение: именно на фоне небытия человек осознаёт ценность бытия, его хрупкость и необходимость бережного отношения к нему.

В прозе Платонова смерть и разрушение всегда имеют двойственное значение. С одной стороны, они выражают трагизм человеческой судьбы, бессилие человека перед вселенской пустотой. С другой стороны, они несут в себе возможность обновления. Смерть у Платонова - не конец, а переход. В повести *«Счастливая Москва»* героиня проходит через страдания и физическое увечье, но её жизнь приобретает новое измерение - как будто за пределами разрушенного тела и мира есть иное бытие, более подлинное [4; 187].

Таким образом, платоновская онтология строится на диалектике бытия и небытия: они неразрывно связаны, и только в их соположении открывается истина человеческой жизни.

Будучи инженером и мыслителем, Платонов воспринимал человека не только как социальное существо, но и как часть космоса. В *«Ювенильном море»* он прямо говорит о том, что природа нуждается в продолжении: человек должен завершить её труд, помочь ей выйти из состояния недоделанности. Это перекликается с идеями русского космизма, особенно с концепцией Н. Фёдорова о «всеобщем деле». Для Фёдорова смысл существования заключался в преодолении смерти и оживлении всех предков усилиями будущих поколений. Платонов, хотя и не воспроизводит эти идеи напрямую, художественно

(cc) BY

воплощает близкие мотивы: человек у него чувствует ответственность не только за себя и общество, но и за судьбу мира.

Однако космизм Платонова окрашен трагизмом. Его герои редко бывают титанами, способными преобразовать Вселенную. Наоборот, это маленькие, бедные, усталые люди, едва справляющиеся с повседневным трудом. И тем не менее именно они оказываются «носителями космической миссии» [3; 85]. Парадокс его философии в том, что великая задача возлагается на тех, кто сам почти бессилен. В этом и заключается драматизм платоновской метафизики.

Особое внимание в философии Платонова уделено соотношению природы и техники. Писатель, обладавший инженерным образованием, прекрасно понимал законы механики и физики. Но для него техника - это не просто инструмент прогресса, а своего рода продолжение самой природы. Машина у него - это не мёртвый механизм, а «живое существо», наделённое душой. В рассказах *«Эфирный тракт»*, *«Маркун»*, в повести *«Ювенильное море»* техника и природа постоянно сопоставляются и сливаются.

Однако техника в прозе Платонова не обладает абсолютной ценностью. Она столь же хрупка, как и человек, и часто терпит крушение. Но именно в этом крушении проявляется истина: техника - не панацея, а символ того, что мир требует постоянного обновления, что он сам по себе непрочен.

В платоновской онтологии человек занимает двойственное положение. С одной стороны, он - строитель, тот, кто призван довести мир до завершения. С другой - свидетель, созерцающий его разрушение. Герои Платонова постоянно колеблются между этими ролями. Они трудятся, строят, роют землю, но в то же время осознают бессмысленность своих усилий. Эта двойственность отражает общую философскую позицию писателя: мир нельзя достроить окончательно, но нельзя и отказаться от труда, ибо именно в труде человек обретает свою подлинность.

Онтология Андрея Платонова основана на ощущении незавершённости мира и сопряжена с трагическим осознанием хрупкости бытия. Мир у него - это стройка, которая никогда не станет завершённым зданием; это пространство, где ничто и бытие неразрывно связаны, где человек одновременно мал и велик, бессилен и ответственен за судьбу Вселенной. Его философия соединяет космическую перспективу, социальный опыт и личную экзистенцию, создавая образ бытия как вечного поиска и незавершённого труда.

Философская антропология Андрея Платонова складывается на пересечении личного жизненного опыта писателя, исторической реальности первой половины XX века и глубоких метафизических поисков, которые он вел на протяжении всей жизни. В его произведениях человек предстает не как завершённое и гармоничное создание, а как существо, находящееся в процессе

(cc) BY

становления. Герои Платонова всегда «в пути»: они ищут дом, стремятся построить новый мир, стараются обрести любовь, но постоянно сталкиваются с препятствиями, с внутренними и внешними разломами, которые не позволяют достигнуть целостности.

Одним из центральных образов становится сиротство. У Платоновых сирот оказываются не только дети, лишённые родителей, но и взрослые люди, которые чувствуют себя оставленными историей, природой и даже Богом. Это сиротство приобретает метафизическое измерение: человек оказывается в мире один, без опоры, и именно в этом одиночестве проявляется его подлинная природа. В *«Котловане»* сирота Настя воплощает надежду на будущее, но её смерть символизирует трагическую невозможность построить новый дом для человечества. В *«Чевенгуре»* герои, скитающиеся по степи в поисках места для «коммунистического счастья», словно подтверждают мысль о том, что человек - вечный странник, изгнанник, который никогда не обретает окончательного приюта.

Вместе с тем тема сиротства у Платонова тесно связана с мотивом дома. Дом в его прозе - не только физическое жилище, но и символ человеческой укоренённости, внутреннего покоя и защищённости. Однако дом у него почти всегда остаётся несбыточной мечтой. В *«Котловане»* строительство коллективного дома для будущих поколений превращается в бездонную яму, а в *«Чевенгуре»* попытка устроить «город счастья» завершается гибелью людей и исчезновением самого смысла. Но даже если дом так и не создаётся, само стремление к нему становится важнейшей характеристикой человека: именно оно удерживает его в бытии, делает жизнь направленной.

Важнейшей категорией антропологии Платонова является труд. Для него это не только средство выживания или социальная обязанность, но и способ существования, духовная практика, близкая к молитве. Герои его произведений работают с надрывом, порой до изнеможения, и нередко их усилия оказываются напрасными. Но именно в труде они обретают причастность к миру, возможность почувствовать себя частью чего-то большего. В *«Котловане»* копание земли символизирует поиск фундамента человеческой жизни. Даже если строительство обречено, сам процесс становится подтверждением человеческой сущности.

Немаловажное место занимает отношение Платонова к телу и душе. В отличие от официальной советской литературы, где культивировался образ «нового человека» - сильного, здорового, уверенного в будущем, - Платонов показывает телесную немощь, болезненность, хрупкость. Его герои редко бывают физически полноценны, но именно в слабости их тел раскрывается сила духа. В *«Счастливой Москве»* героиня после тяжёлой травмы теряет физическую

(cc) BY

красоту, но её духовное начало обретает новый смысл, как будто тело лишь открывает доступ к более глубоким измерениям существования.

Эта мысль тесно связана с представлением о любви и сострадании как высших ценностях человеческой жизни. В мире, лишённом прочного основания, именно способность пожалеть, разделить чужую боль становится настоящей опорой. В *«Реке Потудани»* любовь двух искалеченных войной людей выглядит болезненной и неустойчивой, но именно она позволяет им продолжать жить, открывая возможность обновления. В *«Возвращении»* главный герой понимает, что единственное, что удерживает его в бытии, - это семья и любовь близких, от которых он не вправе отказаться.

Все эти мотивы объединяются в образе человека, который у Платонова существует между историей и вечностью. Его герои погружены в конкретные обстоятельства революции, коллективизации, войны. Они вынуждены жить в суровой социальной действительности, которая не оставляет им выбора. Но в то же время они неизменно задаются вечными вопросами: что есть жизнь и смерть, в чём смысл страдания, возможно ли воскресение и преображение. Эта двойственность - историческое и метафизическое измерение - придаёт платоновской антропологии глубину и универсальность.

Таким образом, человек в философии Платонова - это не герой и не победитель, а скорее сирота и странник, который ищет дом и любовь, работает ради будущего, но осознаёт хрупкость мира. Его сила заключается не в идеологической убеждённости и не в телесной мощи, а в способности сострадать, любить и оставаться человеком даже на грани ничто.

Использованная литература

1. Акаткин, А. М. Возвращение Платонова / А. М. Акаткин // Андрей Платонов: Исследования и материалы: сб. науч. тр. / под ред. Т. А. Никоновой. - Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1993. - С. 3 18.

2. Баршт К. А. Поэтика прозы Андрея Платонова / К. А. Баршт. - 2-е изд., доп. -СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 478 с.

3. Коваленко В. А. Творчество А. Платонова и эстетические категории / В. А. Коваленко // Третьи платоновские чтения: тезисы докладов международной научной конференции. Воронеж: ВГУ, 1999.

4. Малыгина Н. М. Москва в судьбе и творчестве Андрея Платонова / Н. М. Малыгина // Москва и «московский текст» в русской литературе и фольклоре: Материалы 7 Виноградовских чтений / ред.-сост. Н. М. Малыгина, И. А. Беляева. М.: МГПУ, 2004.- 244 с.

5. Михеев, М. В мир Платонова через его язык: монография / В. Михеев. - М.: МГУ, 2003.-408 с.

(cc) BY